

ЛІТЕРАТУРНІ ТРАДИЦІЇ: ДІАЛОГ КУЛЬТУР ТА ЕПОХ

УДК 821.161.1.09

В.А. ГУСЕВ,

*доктор филологических наук, профессор
кафедры зарубежной литературы*

Днепропетровского национального университета им. Олеса Гончара

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ А.П. ЧЕХОВА В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ

Рассматривается, как в последние десятилетия происходит корреляция привычного образа А.П. Чехова, как формируется миф о писателе, актуальный для современного состояния культуры.

Ключевые слова: миф, массовая культура, образ Чехова.

Всякая новая эпоха в развитии культуры определённым образом выстраивает свои отношения с прошлым и формирует свой пантеон классики, создаёт свою мифологию. Сразу же отмечу, что мифологию я понимаю как одну из форм коллективного сознания и буду использовать термин «миф» только в этом значении и никак другом. Уже поэтому миф о писателе не является точным воплощением его личности, но её отражением в массовом сознании, образом, в котором выделено то, что актуально для современного состояния культуры. В нашей статье мы рассмотрим, как в последние десятилетия происходит корреляция привычного образа А. Чехова, как реформируется миф о писателе.

Классическая литература, как правило, сопоставляется и противопоставляется современной. Но где же проходит граница между ними? «За пределами ста лет – абсолютные ценности классики, в пределах ста лет – спорные ценности современности» [2, с. 13–14], – заметил М. Гаспаров. Если воспользоваться таким подходом, то творчество Чехова окажется на грани классики и современности; он – новый «молодой классик».

Писатели-классики входят в жизнь современной культуры по определённым законам. Современный писатель живет в своих текстах, классик же превращается в мифологическую фигуру, уходит в предание, фольклор, тем самым укореняясь в глубинных и самых широких пластах культуры, массовом сознании, и вместе с тем становится объектом элитарной рефлексии. В последние десятилетия происходит корреляция привычного образа Чехова. До недавних пор он представлялся как талантливый продолжатель реалистической традиции, драматург-реформатор, борец с пошлостью, человек, по капле выдавливающий из себя раба... Такое представление сейчас существенно трансформируется: чеховский миф ещё не отлился в определённую устойчивую форму. Складываться он начал вскоре после смерти писателя. Автор одной из первых монографий, посвящённых Чехову, Юрий Соболев уже в 1915 году безоговорочно причислял его к классикам. «Войдя в жизнь и в литературу наравне с Пушкиным, Достоевским и Толстым, он стал нашим классиком, и ясно: над тем, что им написано – возшло бессмертие» [17, с. 8]. В первые десятилетия XX века формируется только абрис чеховского мифа. На мой взгляд, основные его очертания возник-

ли уже в статьях В. Розанова, опубликованных к первому чеховскому юбилею – пятидесятилетию.

В 1910 году, в «Юбилейном Чеховском Сборнике» В. Розанов публикует статью «Наш “Антоша Чехонте”», где речь идёт о широкой популярности писателя среди русской интеллигенции и учащейся молодежи: «... во всякой образованной семье, в комнатке всякого студента или курсистки встретите портрет или карточку Антона Чехова» [15, с. 421]. Чехов более других близок и понятен, да и как не понять его, ведь он – «слишком наш брат», такой же, как и «мы, грешные». К тому же Чехов не только показывает обычную, обыденную каждодневную жизнь, но и напоминает, что «есть край иной». Поэтому, утверждает В. Розанов, «мы нашего “Антошу Чехонте” не забудем» [15, с. 425]. «Мы» – то есть обыкновенные русские люди «из образованных», по сути дела, вся читающая публика той поры. Писателю принадлежала несомненная заслуга: «В Чехове Россия полюбила себя. Никто так не выразил её собирательный тип, как он, не только в сочинениях своих, но, наконец, даже и в лице своем, фигуре, манере и, кажется, образе жизни и поведении» [15, с. 424]. По Розанову, Чехов – внимательный наблюдатель, талантливый рассказчик, он довёл «до виртуозности, до гения обыкновенное изображение обыкновенной жизни» [15, с. 423]. Такого рода представления о простом и понятном гении войдут в чеховский миф и станут его основой.

Во 2-й половине XX в. утверждается представление о Чехове как о классике. В начале перестройки, в 1985 г. Н. Скатов публикует юбилейную статью в «Литературной газете», посвящённую 125-летию со дня рождения писателя. Он отмечает, что в представлении о Чехове-классике было что-то неожиданное и необычное, что противоречило всему опыту русской классической литературы. В отличие от Пушкина и Гоголя в Чехове долго не видели надежду нации, не возникали споры о чеховском направлении в русской литературе, да и сам писатель относил себя не к гениям, не к «избранникам божьим», а к «артели шестидесятников», где рядом на равных правах он, Альбов, Короленко, Щеглов, Баранцевич... Культурные репутации А. Чехова и «старших» классиков разделяются кардинально. Скажем, в современном массовом сознании Достоевский существует как воплощение интеллектуализма с поправкой на сложность, непонятность и даже некоторую ненормальность, Чехов же воспринимается как простой и понятный, подчёркнуто обыкновенный и нормальный. В то же время несомненно, что Чехов необычайно ярко и полно выразил свою эпоху и остался актуальным в наше время. Природу этой актуальности верно определил Н. Скатов, который полагал: «Если бы следовало назвать суть Чехова, всё в его творчестве и жизни определяющую, одним словом, то это – свобода» [16, с. 5]. Таким образом, жизнь и творчество Чехова воспринимаются прежде всего как становление свободного человека со свободным отношением к миру, и здесь ключевое слово – «свобода». Важно и то, что Чехов где-то рядом с нами, и мы не ощущаем его исключительной избранности и безусловного величия, что и отличает его от «старших» классиков. Это и становится лейт-мотивом чеховского мифа.

В самом начале 90-х годов, З. Паперный завершает обзор исследований, посвящённых творчеству писателя, следующим утверждением: «Чехову, прожившему такую короткую и трудную жизнь, выпало на долю посмертное бытие поистине бесконечное. Он – не только один из самых великих, но и самый насущный, повседневный... [11, с. 15]. Видимо, эти определения – «насущный», «повседневный» – возникли здесь не случайно: они и в следующие десятилетия будут сопровождать имя Чехова. То, что чеховское творчество созвучно современности нашего времени, говорилось неоднократно. Скажем, сходство социокультурных ситуаций, разделённых столетиями, отмечает, к примеру, А. Кузичева. Она полагает, что искусство в начале 90-х годов XX в., оказавшись в своеобразной «мёртвой зоне», находится в состоянии внутреннего напряжения, импульса, толчка к развитию. По её мнению, это «очень чеховское настроение» [7, с. 25]. Оно владело им как никем из русских писателей, им жили многие герои чеховских произведений.

Спустя десятилетие, уже в начале нового XXI в., Л. Костюков также замечает сходство двух эпох, разделённых столетием, когда из похожих условий возникают сходные судьбы. То, что когда-то случилось с Гуровым, вновь происходит с нами, полагает он: «Начиная с обмолвки Гурова о себе: по образованию филолог, но служит в банке; готовился когда-то петь в частной опере, но бросил. Господи! Это ж я... ну, не совсем я, но мои разнообраз-

ные сокурсники окончили МГУ и Физтех, а оказались <...> – в офисах, “фирмах”, банках» [6, с. 216].

Завершался XX век, доживались последние акты трагикомедии этого столетия, вновь сменялись хозяева жизни, опять возник Ното повус. В этой связи внимание публицистов привлекает фигура Лопихина. Так, А. Чернов, размышляя о путях становления демократии в России и развитии культуры, замечает: «Нам не нравятся нувориши и Лопихины? Но вишнёвый сад они не вырубят: его уже нет. Более того, если кто и возродит его, то именно эти люди, не читавшие тех книг, которыми бредили мы» [19, с. 3]. Автор надеется на то, что не читавшие Чехова люди дела не только возродят вишнёвый сад, но и поддержат культуру, не допустят снижения её уровня.

В 90-е годы XX века Чехова нередко стремились представить сторонником русской буржуазии, русского мещанства – третьего сословия. Скажем, по мнению Б. Парамонова, «провозвестником буржуазной культуры» [12, с. 263], а значит, и демократии в русской литературе был именно Чехов. Правда, полагает он, писатель на мещанский быт глядел свысока, как и большая часть русской интеллигенции. «Беда русской жизни в том, что Чехов все-таки вышел в гении» [12, с. 263], – сетует Б. Парамонов. Исследователи чеховского творчества неоднократно обращали внимание на то, что в мире Чехова нет жёстких иерархических связей, отсутствует столь важное для модернистской парадигмы разделение на «низкое» и «высокое», ориентация на завершённый, раз данный смысл. Скажем, И. Сухих, полагая, что Чехов относился к творчеству как обязанности, ремеслу, подчёркивает «анти-иерархическую» природу его художественного мира [18]. В. Курицын утверждает, что, говоря о постмодернизме, трудно обойтись без имени Чехова, поскольку его противостояние «авангардной парадигме» [8, с. 74] совершенно очевидно.

Диалог с Чеховым ведётся скорее как с современником, чем как с классиком. Скажем, В. Аксёнов был убеждён, что «Чехов современен до такой степени, что располагает даже к некоторой непочтительности» [1, с. 201]. А Вик. Ерофеев замечает, что не так давно ценители ненормативной лексики и циничных высказываний были очарованы Чеховым, когда в «Литературном обозрении» были напечатаны чеховские эротические письма, ранее не публиковавшиеся. Он пишет: «И когда я прочёл это замечательное рассуждение о кровати и диване, написанное легко, иронично, с привкусом цинизма, я подумал о том, почему Чехов велик» [4, с. 67]. А велик он, по мнению В. Ерофеева, потому, что в то время как иные писатели высказывают парадоксальные мысли, Чехов просто пишет. «Они заняты, а Чехов – свободен. Он – свободный писатель. Он свободен говорить о любых банальных вещах» [4, с. 68]. Здесь, несомненно, ощутима интонация живого диалога, однако и Чехов всё больше начинает превращаться в культурного героя, ведь и В. Ерофеев пишет не об образах чеховской прозы и драматургии, а об образе самого Чехова. Причём в этом образе в последнее время настойчиво выделяются определённые черты, которые до недавних пор были табуированы. Дополнять и уточнять идеализированный образ «интеллигента в пенсне» начали англо-американские исследователи литературы. Одной из первых работ, увидевшей свет в начале 70-х годов XX века, в которой уточнялся традиционный образ писателя, была книга Вирджинии Лэвлин Смит «Чехов и Дама с собачкой». В.Л. Смит полагала, что «только в контексте отношения полов, как это было пережито Чеховым и описано в его творчестве, можно судить о его личности в целом» [21, с. 3]. Так, рассматривая «Даму с собачкой», она отмечает, что «положение и опыт самого Чехова ясно очертили характер и судьбу Гурова» [21, с. 212]. Включая те материалы, которые запрещались советской цензурой, расширить и уточнить существующие представления о Чехове стремится Дональд Рейфилд в книге «Жизнь Антона Чехова». На русский язык она была переведена в 2005 г. Здесь рисуется непривычный образ Чехова. Д. Рейфилд, несмотря на то что российские учёные сомневались в необходимости предъять широкой читательской публике чеховские архивы во всей их полноте, постарался сделать это. Он пишет: «Три года, проведенные в поисках, расшифровке и осмыслении документов, убедили меня в том, что ничего в этих архивах не может ни дискредитировать, ни опозлить Чехова. Результат как раз обратный: сложность и глубина фигуры писателя становятся ещё более очевидными...» [14, с. 4]. Такой подход, убирающий глянец и ретушь с традиционного образа Чехова, был продолжен и в работах российских исследователей и отразился уже в их названиях.

Скажем, переосмыслить образ Чехова пытается М. Золотоносов в книге «Другой Чехов: По ту сторону принципа женофобии» (2007). Он обнаруживает под привычной маской писателя-реалиста и драматурга-реформатора существование иного Чехова. Он полагает, что можно говорить об истории образа Чехова в русской культуре XX века и истории средств корреляции этого образа в литературоведении. «Если всё табуированное и отброшенное разблокировать и снова собрать, под маской обнаружится другой Чехов, другой человек и отчасти другой писатель» [5, с. 6]. М. Золотоносов полагает, что такая новая «сборка» образа писателя сделает его ещё более актуальным.

П. Фокин, составитель книги «Чехов без глянца» (2009), во вступительной статье пишет о знаменитой чеховской скрытности, неизменном самообладании и деликатности, выделяет его материализм и «неустанный *практический* интерес к жизни» [20, с. 11]. Он, по мнению Фокина, создал «энциклопедию русской жизни» без глянца, «масштабную панораму русского мира в период «смены веков» и внутреннего переустройства» [20, с. 16]. Фокин стремится широко представить личность Чехова, в его книге есть главы: «Облик», «Характер», «Творчество», «Табак, напитки и закуски», «Любитель прекрасного пола», «Муж», «Сын». Этот перечень может быть продолжен. Несмотря на такую сложность и многообразие личности, в нём не было надрыва и излома. «В эпоху “Братьев Карамазовых” он жил размеренной, деятельной и трезвой жизнью» [20, с. 9]. В общем, он – деятельный человек, не чуждый простых радостей жизни.

Чехов по-прежнему рядом с нами, причастен к нашей повседневной суете, как полагал В. Розанов. В подтверждение верности этого суждения можно привести такого рода пример. «Литературная газета» сообщала, что 7 октября 2009 года, в день своего рождения, Владимир Путин встретился с группой российских писателей. После почти двухчасового разговора с премьером, где, в частности, речь шла о трудном положении Международного литфонда, труженики пера преподнесли ему ко дню рождения последнее прижизненное собрание сочинений Чехова, а также и свои произведения с дарственными надписями. «Александр Кабаков озабоченно поинтересовался у помощников премьера, дойдут ли книги до новорождённого, и получил твёрдый ответ: “Обязательно!”». Выстраивается занятный сюжет, но это ещё не всё. Заметку завершает постскриптом: «Через день писателей, исполняя распоряжение главы правительства, пригласили в серьёзную организацию для обсуждения ситуации, сложившейся вокруг Литфонда» [10, с. 3]. Конечно, забота об имуществе Литфонда необходима, и хотя Чехов никогда не был членом никаких писательских организаций и ничего о них не написал, эта невыдуманная история очень похожа на сюжет его рассказа.

Если прежде, в советскую эпоху происходило огосударствление классиков, миф о них встраивался в господствующую идеологию, то теперь классика присваивается массовой культурой, в которой создаётся миф по законам этой культуры. В 1985 г. для чеховских юбилейных материалов в «Литературной газете» эпиграфом служила цитата из Чехова: «Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья» [16, с. 5]. Через 25 лет ничего подобного в юбилейных материалах отыскать невозможно: кто же сейчас всерьёз может заботиться об общественном благе, да ещё полагать, что эта забота – основа личного счастья? В 2010 году газеты были «украшены» совершенно иными заголовками юбилейных статей. Например: «Чехов – футляр для человека. Русский интеллигент – силач и скалозуб» (Аргументы и факты в Украине. – № 4, 2010. – С. 29), «Антон Чехов: Распутных женщин я сам видывал и сам грешил многократно» (Экспресс газета. – № 4 (782). – 2010. – С. 20), «Чехов как он есть... А он есть! 150-летию великого русского писателя посвящается» (Комсомольская правда в Украине. – 29 января–4 февраля 2010. – С. 16), «Путь самурая. Изменить жене можно только с гейшей» (Моя семья. – № 2. – январь 2010. – С. 7), «Героиня – не молодая и не блондинка...» (Литературная газета + Курьер Культуры: Крым–Севастополь. – № 23 (52). – 11–12 декабря 2009. – С. 8), «Антон Чехов: “Я хотел бы быть свободным художником – и только”. Со дня рождения писателя исполняется 150 лет» (7 Я. – № 3. – 26.1.2010. – С. 21). Автор статьи «Чехов как он есть... А он есть!» О. Кучкина делится с читателями своими впечатлениями от книги Дональда Рейффилда «Жизнь Антона Чехова», в которой исследователь осветил некоторые ранее малоизвестные подробности из жизни классика, такие, к примеру, как посещения им пуб-

личных домов. Шок, испытанный журналисткой от того, что некоторые узнанные ею факты «не вписывались в сложившийся образ», по её признанию, сменился пониманием того, что и классики – «Люди как люди. Не на пьедестале – в жизни. Не из фанеры, не из картона. Такие же, как мы» [9, с. 16]. Остаётся только добавить: как и мы, грешные, – и получится совсем по В. Розанову.

Казалось бы, Чехова современные исследователи стремятся представить без ретуши, свести с пьедестала, но эффект возникает прямо противоположный. Чехов всё больше воспринимается как культурный герой, заслуживающий благоговейного поклонения. О такого рода поклонении идёт речь, скажем, в рассказе Н. Герман «Чехов, секс-символ летучих голландок». Автор описывает посещение голландскими туристками чеховского музея в Мелехове. Дамы столпились у входа в чеховский кабинет. «Они напоминали прихожанок какого-то неизвестного храма, сестёр тайной секты – ордена поклонниц Чехова» [3, с. 100]. Сама рассказчица не чужда такому отношению к писателю, она думает о том, что можно было бы продавать майки и значки с чеховским портретом, которые, конечно же, разбирались бы его поклонницами: «Че Гевара – раскрученный бренд, а наш Чехов чем хуже? Я бы вот обязательно купила себе такую майку и значок, носила бы их по границам, да и в Москве можно, почему нет. Голландки тоже наверняка купили бы по значку и по майке» [3, с. 100]. Так Че Гевара и Чехов в едином строю входят в современную массовую культуру, и в Интернете можно отыскать портрет Чехова на революционном красном фоне, где писатель чем-то похож на легендарного команданте.

Видимо, миф о новом классике отражает потребности современной культуры во всём её диапазоне – от массовой до элитарной. В конце XIX века Чехов сумел осуществить своего рода симбиоз низовых слоёв культуры с её высокими философскими смыслами. Он нашёл путь к самому широкому читателю своего времени, а это, конечно же, актуально для современной литературы, да и всей художественной культуры в целом.

Ещё не проявились все очертания чеховского мифа в его «новой редакции». Во всяком случае, его герой – писатель-наблюдатель, писатель-свидетель, писатель – свободный человек, рассказчик, а не проповедник, писатель, воплотивший практический интерес к жизни. Возможно, этот миф, присутствующий как в литературном, так и в публицистическом дискурсах, утвердится в русской культуре, отвечая её новым запросам. Всё же хотелось бы надеяться на то, что Чехов будет не только почитаться, но и читаться, что читатели у писателя не станут меньше и каждый найдёт свой путь к нему и увидит своего Чехова, снимет ретушь или добавит, потому что читатель и в XXI веке, веке зрителей, может оставаться свободным и, в частности, критически относиться как к старой, так и к новой мифологии.

Список использованной литературы

1. Аксёнов В. Афиша гласила (К 120-летию Чехова) // В. Аксёнов Десятилетие клеветы (радиодневник писателя). – М.: Изографус, Эксмо, 2004. – С. 201–205.

2. Гаспаров М.Л. Столетие как мера, или Классика на фоне современности / М.Л. Гаспаров // НЛО. – № 62. – 4'2003. – С. 12–16.
3. Герман Н. Чехов, секс-символ летучих голландок / Н. Герман // Новый мир. – 2009. – № 5. – С. 97–102.
4. Ерофеев В. Мужчины / В. Ерофеев. – М.: Зебра Е., 2005. – 224 с.
5. Золотоносов М.Н. Другой Чехов: По ту сторону принципа женофобии / М.Н. Золотоносов. – М.: Ладомир, 2007. – 336 с.
6. Костюков Л. Дядя с собачкой / Л. Костюков // Вопросы литературы. – 2003. – Сентябрь–октябрь. – С. 212–221.
7. Кузичева А. Кончился ли «век Чехова»? / А. Кузичева // Театр. – 1993. – № 3. – С. 19–27.
8. Курицын В. Спать хочется? / В. Курицын // Сегодня. – 1995. – 8 мая. – С. 8.
9. Кучкина О. «Чехов как он есть... А он есть! 150-летию великого русского писателя посвящается» / О. Кучкина // Комсомольская правда в Украине. – 29 января–4 февраля 2010. – С.
10. С Путиным на дружеской ноге... // Литературная газета – 14–20 октября 2009. – № 42. – С. 3.
11. Паперный З. Тихий Чехов / З. Паперный // Сов. культура. – 27.01.1990. – С. 15.
12. Парамонов Б. Конец стиля / Б. Парамонов. – М.: Аграф, Алетейя, 1997. – 464 с.
13. Парц Л. Жизнь после Чехова: литература и интеллигенция в рассказах Вячеслава Пьецуха / Л. Парц // Молодые исследователи Чехова: Материалы международной научной конференции (Москва, 14–18 мая 2001 г.). – М., 2001. – С. 67–74.
14. Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова / Д. Рейфилд / Пер. с англ. О. Макаровой. – М.: Издательство Независимая Газета, 2005. – 864 с.
15. Розанов В.В. Наш «Антоша Чехонте» / В.В. Розанов // Розанов В.В. Сочинения. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 421–426.
16. Скатов Н. Становление свободного человека / Н. Скатов // Литературная газета. – 30 января 1985 г. – № 5. – С. 5.
17. Соболев Ю. О Чехове. – М.: И.А. Белоусов, 1915. – 71 с.
18. Сухих И. Чеховские писатели и литератор Чехов / И. Сухих // Литературное обозрение. – 1994. – № 11/12. – С. 43–49.
19. Чернов А. О чём мы не сказали президенту / А. Чернов // Литературная газета. – 1994. – 30 мая. – № 48. – С. 8.
20. Чехов без глянца / сост., вступ. ст. П. Фокина. – СПб.: Амфора, 2009. – 510 с.
21. Smith W.L. Anton Chekhov and the Lady with the Dog / W.L. Smith. – London – New York – Toronto, 1975. – 236 p.

Розглядається, як в останні десятиліття відбувається кореляція звичного образу А.П. Чехова, як формується міф про письменника, актуальний для сучасного стану культури.

Ключові слова: міф, масова культура, образ Чехова.

The correlation of familiar A.P. Chekhov's image which is taking place lately, and the formation of the relevant for the present state of culture myth about the writer are under the view.

Key words: myth, mass culture, Chekhov's image.

Надійшло до редакції 8.02.2011.